

АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВ

Возврати его в преисподнюю

СКАЗКА

Александр Филиппов

**Возврати его
в преисподнюю. Сказка**

«Издательские решения»

Филиппов А.

Возврати его в преисподнюю. Сказка / А. Филиппов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855712-5

Согласно завещанию умершей тётушки пожилой чиновник, вышедший недавно на пенсию, получает в наследство имение, расположенное в Заповедном бору. Неожиданно для себя наследник оказывается втянут в противоборство между теми, кто намеревается начать добычу нефти в реликтовом, дошедшем до наших дней со времён Великого оледенения, лесном массиве, и его защитниками. В числе последних и странные обитатели имения. Напоминающие известных сказочных персонажей — бабу Ягу, лешего, Василису Премудрую...

ISBN 978-5-44-855712-5

© Филиппов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	7
2	11
3	14
4	17
5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Возврати его в преисподнюю Сказка

Александр Филиппов

© Александр Филиппов, 2017

ISBN 978-5-4485-5712-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Последнее Великое оледенение, сковавшее Евразийский континент в монолитную смёрзшуюся глыбу, около десяти тысяч лет назад, наконец, закончилось.

Нехотя, медленно, льды километровой толщины отступали.

Однако ещё тысячи лет спустя замороженная почва на их месте оставалась безжизненной и бесплодной. Только в самом верхнем, тончайшем её слое под тусклым в северных широтах, холодным солнцем, смогли хоть как-то существовать мхи да лишайники. Позднее над пластами вечной мерзлоты укоренились-таки карликовые растения – сосны, ели, берёзки, семена которых занесли сюда перелётные птицы...

Впрочем, вечная мерзлота оказалась тоже не вечной. И примерно шесть – семь тысяч лет назад на месте прогревшейся тундры, потянулись ввысь хвойные и смешанные леса.

Вслед за отступающими к Арктике холодами ушли, тяжело ступая и чавкая могучими лапами по нетвёрдой, раскисшей почве, мамонты, шерстистые носороги, бизоны, защищенные от свирепых морозов и шквальных ветров толстой меховой шубой.

На смену им пришла и стала заселять хвойные и лиственные леса, более приспособленная к потеплевшему климату живность – лоси, олени, стремительные косули, всеядные кабаны и, конечно же, волки.

В этих же, богатых зверем и птицей лесах, рыбой в полноводных реках, за много тысячелетий до нашей эры сошлись в противостоянии два вида человеческих особей – тех, кого позже учёные окрестили кроманьонцами и неандертальцами. Схлестнулись в беспощадной схватке за пищевые ресурсы, охотничьи угодья, за выживание.

Исход той битвы, длившейся несколько тысячелетий, теперь хорошо известен. Верх одержали кроманьонцы, ставшие нашими предками.

Однако никто, кроме учёных, выдвинувших спорную гипотезу, не знает, что в те доисторические времена на стыке Европы и Азии существовал ещё один вид человеческой особи. Разумный настолько, что сумел избежать противостояния и с неандертальцами, и с кроманьонцами. Остался, как принято выражаться сегодня, над схваткой.

Этот малочисленный вид человеческой особи затаился в дремучих лесах. И со стороны, без особого сочувствия к тем и другим, наблюдал за исходом смертельного поединка.

Климат на планете становился всё теплее, уже и хвойные леса отступили, освободив место лиственным, а ещё позже раздольной, богатой разнотравьем, степи.

Так случилось, что лишь у южных отрогов древних Уральских гор сохранился участок хвойного леса площадью в несколько десятков тысяч гектар.

Наши современники, очарованные этим островком лесной прохлады на огромных пространствах голой, продуваемой всеми ветрами степи, назвали его Заповедным Бором. Заселённым уникальной для пустынного ландшафта окрест флорой и фауной.

При этом по-прежнему никто не замечал обосновавшихся здесь реликтовых, как и сам бор, жителей.

Так, держась привычного ареала обитания, избегая тесных контактов с соседями, неприметный лесной народ дожил до наших дней...

1

Если вам перевалило за шестьдесят, то, ни о каких чудесных изменениях в жизни, свершениях мечтать уже не приходится. Дай, как говорится, бог сохранить хотя бы то, что есть, наработано долгими годами неустанного труда – авторитет, доброе имя, материальное благосостояние.

А если вы ещё и чиновник, достигший предельного для государственной службы возраста, то следует быть втройне осторожным и осмотрительным. Например, по пути на работу.

Глеб Сергеевич Дымокуров, чиновник областного правительства, должностью своей дорожил. И потому старался не упустить любой мелочи не только в исполнении своих функциональных обязанностей, но и в поведении, манере общения с окружающими.

Как, например, входят в здание Дома Советов, в котором на пяти этажах располагались кабинеты региональной исполнительной власти, молодые да ранние?

Летят, нередко припаздывая, не глядя по сторонам. Цокают каблучками по мощёной тротуарной плиткой площади, беззаботно вспархивая на облицованное бурым полированным гранитом парадное крыльцо. Рвут на себя за литую бронзовую ручку створку тяжёлой, в два человеческих роста высотой, двери, и проскальзывают внутрь, небрежно махнув на вахте перед носом дежурного полицейского удостоверением – пропуском.

Прежде всего, на службу Глеб Сергеевич являлся как минимум за полчаса до начала рабочего дня.

Даже вход в Дом Советов он превратил в этакую, усовершенствованную, отточенную с годами, мини-специальную операцию.

Ещё на дальних подступах к главному административному зданию края следовало внимательно осмотреться. Не крутить головой заголовно, это в его возрасте выглядело бы не солидно и подозрительно, словно он, как тайный агент, пытается «хвост» за собой обнаружить, а глянуть искоса, неприметно, зафиксировав, тем не менее, всё происходящее вокруг.

Не приближается ли одновременно с ним к заветному крыльцу кто-то из вышестоящих начальников? Если кто-то из них просматривается на горизонте, следует чуток притормозить, и рассчитать свою пешеходную скорость так, чтобы начальник оказался на крыльце, а, следовательно, и у входной двери раньше тебя. Но не намного. А в аккурат настолько, чтобы, не выглядя навязчивым, попасться ему на глаза в сей ранний час, раскланявшись почтительно.

Если начальник – дама, то, как раз можно, успев обогнать её, галантно распахнуть перед нею тяжёлую дверь.

Ещё на подходе к Дому Советов следовало обратить особое внимание на то, не стоит ли у парадного крыльца губернаторский джип. Если стоит, то, вполне вероятно, высшее должностное лицо региона, как всегда, спешащее по неотложным, государственной важности делам, выскочит вот-вот из-за двери. И столкновение с ним, крайне озабоченным, нос к носу, стало бы катастрофой.

Пару раз за годы долгой чиновничьей службы Глеба Сергеевича происходило такое. Один раз, ещё в советские времена, первый секретарь обкома, с которым Дымокуров лицом к лицу встретился при входе в дверях, даже пожал ему руку.

И хотя тогда Глеб Сергеевич впал в состояние, близкое к обмороку, то рукопожатие помнит до малейших подробностей, будто случилось оно минуту назад. Вот так вот, у порога, он стоял, а в шаге от него, в дверном проёме, сам первый секретарь. И руку тот протянул первым, пожал крепко. Тряхнул даже – может, в знак особого расположения? Хотя вряд ли. Похоже, о существовании такого сотрудника аппарата, как Дымокуров, молодого в ту пору, всесильный секретарь обкома даже не подозревал.

С нынешним губернатором, Александром Борисовичем Кургановым, Глеб Сергеевич, было дело, в дверях тоже стакнулся. Зазевался, утратил бдительность на мгновение – и на тебе! Однако губернатор лишь сверкнул гневно очами на возникшее перед ним препятствие в виде невысокого, седовласого, толстенького человечка, и прошёл мимо, притиснув Дымокурова к косяку.

Глеб Сергеевич три дня не мог в себя прийти после той нечаянной встречи. Но всё обошлось. Спасло, судя по всему, то, что, как всегда, озабоченный проблемами области, её глава мигом забыл о существовании нерасторопного клерка.

Сегодня, тёплым солнечным утром середины июля, операция под кодовым названием «Вход в здание Дома Советов» прошла без сучка и задоринки. Джипа губернатора у крыльца, раскопчегаренного, на всех парах, не наблюдалось, и больших начальников у двери не встретилось. И вообще в ранний утренний час площадь перед резиденцией областного правительства оказалась на редкость безлюдной.

Однако это вовсе не значит, что вознесясь на скоростном лифте на четвёртый этаж, и, войдя в свой кабинет, Дымокуров расслабился.

Заняв один из трёх столов (два других предназначались для молодых сослуживцев, и, конечно же, за сорок минут до начала рабочего дня пустовали), Глеб Сергеевич первым делом включил компьютер.

При этом дверь кабинета он оставил распахнутой настежь. Чтобы проходящие по коридору такие же ранние пташки, особенно из числа вышестоящего руководства, видели: консультант информационно-аналитического отдела управления по внутренней политике аппарата губернатора и правительства Южно-Уральской области Дымокуров спозаранку находится на рабочем месте, так сказать, на боевом посту, и готов к исполнению своих должностных обязанностей.

Утвердившись в охнувшем под ним, словно поприветствовавшим его лёгким вздохом после недолгой разлуки мягком кожаном кресле, пока монитор компьютера мигал, загружая на экран содержимое своего таинственного нутра, Глеб Сергеевич открыл ежедневник и освежил в памяти план предстоящей работы на день.

В принципе, если ничего экстраординарного не случится, и от начальника отдела не поступит вводных, день обещал быть спокойным и не слишком загруженным.

До обеда, например, Дымокуров должен был подготовить текст поздравления, а на канцелярском языке – «памятный адрес» генеральному директору регионального филиала крупной всероссийской нефтяной компании Руслану Анатольевичу Шишмарёву.

На первый взгляд, ничего сложного. Тем более, что за три десятка лет службы в качестве «спичрайтера», Глеб Сергеевич подготовил сотни, да что там, наверняка тысячи таких «адресов».

Но то, что шёл этот документ за подписью самого губернатора, придавало предстоящему заданию особую важность.

Чиновник выдвинул нижний ящик письменного стола, извлёк оттуда толстенную, изрядно обшарпанную, картонную папку с надписью крупными буквами «Дело», завязанную шнурками с обмахрившимися от времени кончиками.

В этой папке были сложены копии «памятных адресов», подготовленных когда-то Дымокуровым, и одобренных высоким начальством, как говорится, на все случаи жизни. И по праздничным датам – к Новому году или Международному женскому дню, к примеру. И по юбилеям – организаций, учреждений, частных лиц, мужчин и женщин в отдельности. И по профессиям – врачам, учителям, военным, энергетикам и машиностроителям...

Некоторые образцы хранились со столь давней поры, что были отпечатаны ещё на пишущей машинке, через копирку, или откатаны на старинных, дававших смазанные и размытые копии, ротаторах.

Конечно, всё это, отсканировав, можно было бы хранить в компьютере, но Глеб Сергеевич не особо доверял электронике. Мигнёт что-то там, в железном ящике процессора с множеством проводов и контактов, замкнёт, или вирус какой проникнет – и прощай, труд целых десятилетий!

А папочка-то – вот она, всегда под рукой. Может быть, и Глеба Сергеевича переживёт, и перейдёт по наследству кому-нибудь из молодых коллег-оболтусов, если им удастся, как Дымокурову, пересидеть периодические смены высшего руководства, многочисленные реорганизации аппарата, если их не сдует ветром перемен, так характерных для российской политики...

Переворотив содержимое папки, Глеб Сергеевич отыскал два листочка. Один – поздравление с шестидесятилетним юбилеем канувшего в небытие директора крупного промышленного предприятия, другой – представителя нефтедобывающей отрасли.

Поглядывая в них, Дымокуров приступил к составлению текста.

Щелкая двумя указательными пальцами по клавиатуре компьютера, набрал бойко: «Уважаемый Руслан Анатольевич!».

Потом задумался на минуту. Пожалуй, «уважаемый» звучит в данном случае излишне казённо, официально. А ведь всем известно, что губернатора и гендиректора нефтяной компании связывают тесные личные отношения. Можно сказать, дружеские, если такое понятие, как «дружба», вообще применимо во взаимоотношениях региональных элит.

Глеб Сергеевич решительно удалил из текста «уважаемый», и впечатал сокровенное, уместное между друзьями: «дорогой».

Далее в шаблоне следовал такой пассаж: «Примите самые искренние и сердечные поздравления по случаю Вашего юбилея...»

Глеба Сергеевича не удовлетворила и эта строка. Он придумал фразе более тёплое звучание: «Горячо и сердечно поздравляю Вас...». Так выходило гораздо лучше.

Затем он целиком передрал из шаблона, ничего не меняя, целый абзац о нелёгком труде нефтяников, в стужу и зной добывающих из недр главное богатство страны – «чёрное золото», об огромном значении возглавляемой Шишмарёвым компании для бюджетов всех уровней, для каждого жителя славной Южно-Уральской области...

Если бы Глеб Сергеевич относился к работе без души, писал бы подобные тексты просто, «под копирку», он никогда бы не смог столько лет продержаться на своей должности.

К делу он подходил творчески, с учётом личности юбиляра, отношения к нему руководства регионом, и ещё массы тонких нюансов, в которых может разобраться лишь человек, проработавший много лет в органах государственной власти.

Ведь у каждого высшего должностного лица области был свой стиль, манера выразиться. И если один, к примеру, любил подпустить в публичных выступлениях чуток юморку, ценил весёлую шутку, то для другого требовались сухие, выхоленные, не терпящие ни единого живого словца, тексты.

И Дымокуров мог подстроиться, написать так, чтобы угодить каждому!

Вот и сейчас, отступив от шаблона, он вложил в уста губернатора такие проникновенные слова в адрес Шишмарёва: «Ваш богатый руководящий опыт, житейская мудрость, по достоинству оценены всеми жителями Южно-Уральской области...»

Нащёлкав на клавиатуре эту строчку, Глеб Сергеевич саркастически хмыкнул. Дело в том, что Шишмарёв был широко известен в области как раз таки необразованностью, хамством, и подчинённые считали своего шефа изрядным придурком...

В этот момент на столе Дымокурова по правую руку пронзительно зазвонил телефон – прямой, связывающий его с вице-губернатором, начальником управления по внутренней политике Надеждой Игоревной Барановской.

– Поздравительный адрес Шишмарёву готов? – не здороваясь, выпалила она.

Глеб Сергеевич поморщился от командного стиля общения начальницы, усвоенным ею от губернатора, имевшего плебейскую манеру «тыкать» всем подряд, невзирая на должность и положение в обществе. Ох уж эти провинциалы, вознесённые во власть не по профессиональным качествам, а благодаря неким невидимым потокам, вероятнее всего, денежным, и руководствовавшимся в кадровой политике исключительно принципом «свой-чужой».

Однако ответил максимально вежливо, с толикой подобострастия в голосе:

– Как раз работаю, Надежда Игоревна. Торжественное собрание состоится в четырнадцать часов, вполне успеваем...

– Собрание перенесено на одиннадцать, – рявкнула вице-губернатор. – Что бы через пять минут адрес был у меня на столе! – и брякнула трубкой об аппарат.

«Вот чёрт!» – выругался про себя Дымокуров. Если так, то времени действительно оставалось в обрез!

Дело в том, что составленный им текст ещё требовалось распечатать на принтере, затем отнести к корректорам, а уж после подать на подпись начальнику отдела. Заверив, тот отправлял его в канцелярию, где для таких случаев был приспособлен цветной принтер, печатавший «поздравилки» затейливым витиеватым шрифтом на специальной глянцева́й бумаге. Потом листок с красиво набранным текстом помещался в тесненную кожей папочку с золотым российским гербом на обложке. И в таком виде попадал в руки губернатора.

Однако сейчас, когда время поздравления Шишмарёва перенесли на более ранний час, соблюдать эту процедуру было некогда.

Глеб Сергеевич торопливо допечатал текст, завершив его стандартно, без затей: «Надеюсь, что профессиональные и человеческие качества Вашей незаурядной личности вкупе с высокопрофессиональными знаниями ещё долго будут служить на благо Отечества», быстро пробежал, вычитывая на предмет возможных орфографических ошибок и опечаток, с первой и до последней строки, распечатал на принтере, и помчался в приёмную Барановской.

2

Для чествования таких значимых, особо уважаемых персон, как главный нефтяник области Шишмарёв, или подобных ему, в Доме Советов существовал специальный, богато украшенный резной мебелью с позолотой, дорогими коврами на полу, вазами с искусственными цветами, начинённый новейшей электроникой Зал торжеств.

Загодя, перед процедурой поздравления, сотрудники орготдела выровняли, будто по ниточке, тяжёлые золочёные стулья, расставили на длинном, инкрустированном ценными породами дерева столе пластиковые таблички с фамилиями приглашённых, запотевшие бутылки с водой – в соответствии с духом времени, «Ессентуки» отечественного производителя, стаканы из гранёного горного хрусталя.

По давно сложившейся традиции на подобных мероприятиях надлежало присутствовать и Дымокурову. Конечно, с учётом ничтожности его должности, Глеб Сергеевич не упоминался в официальном списке гостей, именную табличку для него никогда не ставили. Место ему отводилось у входной двери, там, где размещались представители региональной прессы.

Вот и на этот раз, постаравшись неприметно проскользнуть в быстро заполнявшийся народом зал, Глеб Сергеевич привычно затесался в ряды журналистов, резко выделявшихся среди прочих участников торжества своим «вольнодумным» обликом – потёртыми джинсами, растянутыми футболками и расхристанными до пупа рубашками на выпуск ярких расцветок.

Дымокуров, облачённый в жаркий, застёгнутый на все пуговицы чёрный костюм, в душном галстуке, смотрелся в рядах тружеников пера чужеродно. Однако те давно знали его, и свыклись с присутствием пожилого спичрайтера в своём окружении.

Вообще-то, положив руку на сердце, следовало признать, что присутствие Глеба Сергеевича на подобных мероприятиях было вовсе не обязательным. Никакой ответственности за происходящее на него, как на чиновника, не возлагалось – организацией всяческих совещаний, заседаний, «круглых столов» занимались другие служащие. Но, как объяснил вышестоящему руководству ещё много лет назад бессменный спичрайтер, личное участие позволяло ему проникнуться духом происходящего, черпать вдохновение для составления текстов докладов и выступлений первого лица области из, скажем так, первоисточника.

Впрочем, отстояв, таким образом, своё право присутствовать на важнейших мероприятиях, проводимых администрацией области, Глеб Сергеевич немного слукавил. Никакого вдохновения из подобных тягомотных «посиделок» он давно не черпал. Если совсем уж честно, ему просто нравилось быть сопричастным таким вот образом ко всем важнейшим событиям, случавшимся в регионе. Это придавало некую значимость и высокий смысл его заурядной, в общем-то, жизни.

Зал торжеств довольно скоро наполнялся жаждавшими лично поздравить главу нефтяной компании. Входили, и рассаживались в соответствии с именными табличками на столе министры областного правительства, депутаты Законодательного собрания, общественные деятели – известные артисты, писатели, художники, и ещё многие, многие, стремившиеся засвидетельствовать своё почтение руководителю предприятия нефтяной отрасли, являющегося главным налогоплательщиком в региональный, вечно верставшийся с предельным дефицитом, бюджет.

Здоровались, приветливо улыбаясь друг другу, многие обнимались по-свойски... По таким случаям здесь действительно собирались исключительно «свои» – «чужих» в этот ближний губернаторский круг не пускали.

Наконец, все расселись за длинным п-образным столом, оставив в торце место для губернатора и виновника торжества.

Призванные увековечить волнительный момент журналисты выстроились в шеренгу возле своих телекамер, установленных на штативы-треножки, напротив, сразу за огромной корзиной с букетом, составленным из двухсот, не менее, белых, благоухающих роз.

Главный нефтяник появился в зале минута в минуту рука об руку с губернатором. У стола чуть замешкались – Шишмарёв энергично замотал головой, как бы отказываясь из скромности занимать столь почётное место, однако вынужден был подчиниться Курганову, который усадил его с мягким нажимом, дружески приобняв за плечи.

Сам губернатор остался стоять, с прищуром оглядывая сквозь «дальнозоркие» очки в тонкой оправе присутствующих. За спиной главы области в некотором отдалении застыли два помощника – один с букетом цветов, другой с папочкой, в которой, Глеб Сергеевич знал это точно, находился сочинённый им памятный адрес.

Было общеизвестно, что особым красноречием Курганов не отличался. В аппарате, оправдывая косноязычие своего шефа, даже придумали и запустили в общественный оборот соответствующую формулу – дескать, наш губернатор – человек не слова, а дела.

Тем не менее, нагрузка на отдел, в котором служил Глеб Сергеевич, с воцарением нового первого должностного лица области резко возросла. Не считая основательных докладов, например, по итогам развития области за год, приходилось строчить тексты выступлений на все случаи жизни – будь то открытие после капремонта детского садика, или заключительный тур смотра художественной самодеятельности сельских домов культуры. Однако Глеба Сергеевича и ценили за то, что тексты речей губернатора даже по самому пустячному поводу он составлял так, что придавал им высокий общегосударственный смысл.

Вот и на этот раз, взяв у помощника поданную в угодливом полупоклоне папочку, Курганов попытался симпрвизировать:

– Руслан... э-э... мнэ-э... Анатолевич! Сегодня мы собрались тут, чтобы поздравить тебя со значительным... то есть знаменательным, э-э... юбилеем. Который, э-э... стал вехой... вехой... – окончательно сбившись и махнув беспомощно рукой, губернатор скосил глаза на текст памятного адреса, и принялся шпарить по написанному. – Знаменательная дата, которую мы отмечаем сегодня – не личное дело нашего юбиляра. Это наш общий, всех жителей Южно-Уральской области, юбилей. Потому что именно на нашей земле шестьдесят лет назад в скромной крестьянской семье родился мальчик, наречённый именем Руслан. И как сказочный богатырь, он рос...

Глеб Сергеевич, не скрывая горделивой улыбки, с удовольствием слушал написанный собственноручно текст, звучащий теперь в устах губернатора, косился, наблюдая исподтишка, какое впечатление производят найденные им в тиши кабинета слова на окружающих.

По правде сказать, пассаж о «сказочном богатыре» он передрал из поздравления, написанного им в своё время для первого секретаря обкома КПСС Ильи Моисеевича Грановского, и хранившегося с тех пор в заветной папочке, но кто теперь, тридцать лет спустя, об этом вспомнит?

А Курганов между тем перешёл к перечислению значимых вех биографии юбиляра, его заслуг перед областью и страной.

Чтение поздравительного адреса несколько раз прерывалось аплодисментами. Вице-губернатор Барановская первой начинала хлопать в ладоши, подавая тем самым сигнал остальным участникам торжества – не без умысла, с тем, чтобы глава региона успел перевести дыхание после воспроизведённой им длинной хвалебной тирады.

Дождавшись окончания очередной порции дружных хлопков, губернатор, поправив очки, выдал с выражением:

– Ваш богатый руководящий опыт, житейская мудрость по достоинству оценены всеми жителями Южно-Уральской области. Хотя подчинённые считают Вас, своего шефа изрядным придурком...

Шишмарёв, не веря своим ушам, поднял брови, просипел яростно, багровея лицом:
– Что-о?!

– Что? – удивился в унисон ему губернатор.

Поняв, что сказал что-то не то, Курганов, внимательно взглядываясь в текст, громко повторил последнюю фразу – вроде бы для себя, а получилось – всем:

– «Хотя подчинённые считают вас, своего шефа, изрядным придурком...» – а потом оглянулся по сторонам, произнёс растерянно, ткнув указательным пальцем в памятный адрес. – У меня так написано...

Наступила мёртвая тишина. Чествование юбиляра грозило перерасти в грандиозный скандал.

Ситуацию спасла Барановская. Вскочив со своего места, она подлетела к Шишмарёву с букетом цветов, и воскликнула, обращаясь к губернатору:

– Зачем, Александр Борисович, эти казённые речи, памятные адреса, и прочая словесная дребедень! Давайте просто покажем, как все мы любим нашего Руслана Анатольевича!

И, сунув ошеломлённому нефтянику цветы, обняла его, прижавшись всем телом, звонко поцеловала в губы.

Присутствующие зааплодировали радостно, затем, согласно всё тому же ранжиру, принялись вставать из-за стола, подходить к юбиляру, вручая букеты, перевязанные ленточками с бантами коробочки и коробки с подарками, которые тут же подхватывали и уносили люди из свиты нефтяника.

Дымокуров всё это время пребывал в обморочном состоянии. Как?! Почему?! Недогадел?! Понятно, что виной всему – спешка, в которой готовился памятный адрес. В тот момент, когда он, хмыкнув, вспомнил о подчинённых, за глаза называвших своего шефа придурком, позвонила Барановская. И Глеб Сергеевич, слушая её, механически напечатал, внёс свои крамольные мысли в текст поздравления. А потом, вычитав второпях, через пень-колоду, отнёс «поздравилку» в приёмную вице-губернатора. Та, судя по всему, памятный адрес тоже не удосужилась прочитать...

Тем временем досадный инцидент был забыт, чествование юбиляра в Зале торжеств пошло своим чередом...

Однако Глеб Сергеевич, как старый аппаратчик, отчётливо понимал: такие проколы виновным в них не прощаются...

3

Его чиновничья карьера закончилась. Причём закончилась бесславно. Без торжественных проводов, прочувственных прощальных речей руководства и сослуживцев, без традиционного подарка уходящим на пенсию – электрического самовара и набора мельхиоровых подстаканников с чайными ложечками того же металла. И, конечно же, памятного адреса с признанием заслуг провожаемого, текст которого наверняка – увы, в последний раз, пришлось бы написать самому Дымокурову.

Ничего этого, предвидел Глеб Сергеевич, теперь не будет. А будут долгие вечера в чахлом скверике из двух десятков клёнов и нескольких кустов сирени вблизи его дома, прозванного в народе «партактивским», ещё с советских времён заселённого ответственными работниками обкома партии и облисполкома среднего звена, безнадёжно состарившимися ныне. И проводивших стариковский досуг на лавочке за бесконечными воспоминаниями о прошлой службе, судьбах начальников всех уровней и собственной, разной степени удачливости, карьеры.

Теперь и Глеб Сергеевич присоединится к ним, вышедшим в тираж бывшим ответработникам. А всё из-за дурацкой опечатки, виноват в которой, по большому счёту, не он, а члены губернаторской команды, набранной по мотивам личной преданности, родственных связей, по сути, с улицы, не прошедшие школы административного управления, мало профессиональные. Бесконечно дёргающиеся сами, задёргавшие всех вокруг, вносящие сумятицу, путаницу, в нетерпящее торопливости делопроизводство и аппаратный процесс. Так случилось и в этот раз с внезапным переносом поздравления Шишмарёва на более раннее, чем было оговорено загодя, время, и последовавшую за тем спешку и нервотрёпку.

Дымокуров знал правила игры, принятые на государственной службе. А потому не ждал разносов, строгого выговора «с занесением» и прочих кар за допущенный им проступок.

Вернувшись в свой кабинет, он, под испуганно-сочувственными взглядами «молодой поросли», взял чистый лист бумаги, и чётким, каллиграфическим почерком написал на нём заявление на увольнение по собственному желанию.

Потом отнёс его в отдел кадров. Начальница отдела, тоже дама предпенсионного возраста, взяла заявление, молча, понимающе кивнула, и протянула взамен «бегунок» – обходной лист, подписи ответственных лиц на котором должны были удостоверить в том, что Дымокуров, покидая навсегда стены Дома Советов, не задолжал ничего ни хозяйственникам, ни бухгалтерии.

Удивительно, но в кабинете, в котором он бессменно просидел много лет, его личных вещей практически не было.

Он открыл поочерёдно ящики письменного стола, но там ничего, что стоило взять с собой, хотя бы на память, не оказалось. Множество папок – картонных, с незапамятных времён, с тесёмочными завязками, скоросшиватели, а так же современных, пластиковых, набитых никому не нужными кроме него, Глеба Сергеевича, бумагами. Должностными инструкциями, копиями распоряжений, докладами губернатора и справочными материалами к этим докладам, газетными вырезками...

Дымокуров хотел было забрать и мстительно унести заветную папку с шаблонами памятных и приветственных адресов, «поздравлялок» от имени губернатора. Пусть тот, кто займёт его место, сам поворочает мозгами, поизгаляется, сочиняя все эти бесчисленные «искренне, горячо и сердечно...», по одним и тем же, в общем-то, из года в год, поводам...

Но потом передумал. Никто ни над чем голову ломать нынче не станет. И кто-то из представителей «молодой поросли», только начинающий чиновничью карьеру, заняв кресло Дымокурова, будет, не мудрствуя лукаво, таскать тексты поздравлений и разного рода «памятных адресов» из интернета, благо их там – несметное множество, на все случаи жизни...

Когда-то на служебном столе Глеба Сергеевича стояла фотография жены и сына в рамке – такими, какими они были тридцать лет назад. Но той молодой красавицы с миленьким, как ангелочек, младенцем, уж нет. А с ними теперешними, давно состоящий в разводе с супругой Дымокуров сфотографироваться не удосужился. Да, честно говоря, ему такого как-то и в голову не приходило.

На самом дне нижнего ящика, среди разряженных «пальчиковых» батареек от диктофона, тронутых ржавчиной канцелярских скрепок, затупленных карандашей и шариковых авторучек с исписанными, высохшими стержнями, Глеб Сергеевич нашарил складной перочинный ножичек с пластмассовой рукояткой в виде лисы. Купленный в незапамятные времена за рубль двадцать копеек в центральном городском универмаге «Восход», и ни разу с тех пор не точенный. Сунул в карман. Вот, в общем-то, и всё, что он заберёт с собой на память о тридцатилетнем периоде жизни, проведённом в Доме Советов.

Если, конечно, не считать пенсии, которая, с учётом максимального стажа государственной службы, обещала быть весьма не плохой. Так что уж чего-чего, а нищета Глебу Сергеевичу в старости отнюдь не грозила...

Грустные размышления уходящего в отставку чиновника прервал телефонный звонок. Трезвонил не «внутренний», как обещали связисты, защищённый от разного рода несанкционированных вторжений вроде прослушек, аппарат, а городской, общедоступный.

Глеб Сергеевич осторожно, со вздохом поднёс трубку к уху. Разговор с кем бы то ни было казался сейчас абсолютно некстати.

– Алё! Это гражданин Дымокуров? – деловито поинтересовался мужской голос на другом конце провода.

– Он самый, – поморщился Глеб Сергеевич с досадой. Звонили явно не из Дома Советов, наверняка по какому-нибудь пустячному поводу. Сейчас начнут впаривать рекламу товаров и услуг...

– Глеб Сергеевич? – уточнил звонивший, и, сочтя ответное молчание за согласие, сменил вдруг тон с напористого на сочувственно-скорбный. – А я к вам с печальной новостью...

Дымокуров, для которого отставка стала вовсе не новостью, а печальным свершившимся фактом, удивился лишь, что сообщить о ней звонивший намеревался не по внутренней, служебной, а по городской связи. А может быть, кто-то из журналистов пронюхал, и попытается сейчас создать сенсацию скромного, областного масштаба?

– Кто это говорит? – настороженно спросил Глеб Сергеевич.

– Нотариус, – представился незнакомец. – Моя фамилия Рыбкин. Альберт Евсеевич. А звоню я вам... Э-э... Как бы это сказать? По поручению вашей тётушки, Василисы Митрофановны Мудрой.

– А-а... – протянул неопределённо Дымокуров. Уж кто-кто, а тётушка, которую он видел, дай бог памяти, раз в жизни, в детстве... лет пятьдесят, должно быть, назад, его на данный момент совершенно не интересовала. – И... что?

– Как душеприказчик вашей тётушки вынужден сообщить вам скорбную весть, – изрёк звонивший трагическим голосом. – Василиса Митрофановна почила, так сказать, в бозе. Умерла. А вы, согласно завещанию, её единственный наследник...

Час от часу не легче! Глебу Сергеевичу только хлопот с похоронами чужого и незнакомого, в общем-то, человека, сейчас не хватало! Душеприказчик... Там, небось, всего имущества – покосившаяся избёнка с колченогой мебелью, а из ценностей – швейная машинка «Зингер» да старый чёрно-белый телевизор «Рекорд»...

И он принялся отнекиваться неуклюже.

– Э-э... послушайте, любезный! Василиса... э-э... Мефодьевна...

– Митрофановна, – поправил нотариус.

– Ну да, Митрофановна. Живёт... жила где-то в сельской местности, вроде бы в Зеленоборском районе. За двести километров от областного центра. И... мне как бы, по причине удалённости... не с руки... э-э... принимать активное, мнэ-э... участие в похоронных мероприятиях...

– По этому поводу можете не волноваться, – оставив скорбную интонацию, бодро заверил нотариус. – Тётушку схоронили вчера. Так что вашего участия в траурной церемонии не требуется. А вот в права наследства вступить вам надлежит, особо не мешкая.

Глеб Сергеевич выдохнул с облегчением. И поинтересовался вроде бы, между прочим.

– А там есть что наследовать?

– Есть! – со значением молвил нотариус. И принялся перечислять, явно поглядывая в какой-то перечень. – Дом жилой, площадью триста квадратных метров, деревянный, рубленый, в хорошем состоянии. Приусадебный участок пятьдесят соток, с хозяйственными постройками и флигелем – бывшей «людской», площадью сто квадратных метров. В доме – некогда помещицким, заметьте, огромная коллекция антиквариата – мебель, посуда, картины, ковры... Этакое, знаете ли, дворянское гнездо, чудом дожившее практически в неизменном виде до наших дней... И, учтите, имение это расположено в Заповедном Бору, где участки сейчас под застройку – на вес золота...

Глеб Сергеевич слушал напряжённо, с всё возрастающим интересом.

– Я, конечно, затрудняюсь вот так, слёту, вкуче оценить завещанное вам имущество, – продолжал между тем нотариус. – Но, похоже, вы теперь миллионер, господин Дымокуров. – И уточнил. – В долларовом, как говорится, эквиваленте!

4

Поезд Южно-Уральск – Зеленоборск в народе давно прозвали «барыгой». Прежде всего, потому, что в прежние времена именно железной дорогой надёжнее всего было добраться из лесного района в областной центр торговцам скобяными товарами да нехитрой продукцией сельских подворий – мясом, топлёным молоком (свежее, не выдержав долгого пути, скисало), сметаной, маслом и мёдом. Возвращаясь, домой, везли «городские» товары – мануфактуру и колбасу. Этот контингент и составлял основную массу пассажиропотока.

Теперь, когда проложены высокоскоростные, блестящие хорошо прогудроненным полотном, шоссе, автотранспортом добираться было сподручнее и быстрее. А потому неторопливый, тащившийся до пункта назначения целых четыре часа поезд, состоявший всего-то из пяти вагонов, заполнялся пассажирами едва ли на треть.

Поговаривали, что в РЖД из-за хронической нерентабельности собирались отменить этот маршрут вовсе, однако региональные власти дотировали железнодорожные перевозки – побаивались негативной реакции сельского населения: билет на поезд стоил раз в пять дешевле автобусного.

«Барыга», лениво постукивая по расшатанным, кое-где тронутым ржавчиной рельсам этой второстепенной, редко используемой железнодорожной ветки, останавливался возле каждой мало-мальски населённой деревушки, и к нему бежали стайкой местные жители – в одном из вагонов располагалась пекарня, она же магазинчик, торговавший самым необходимым – хлебом, крупами, солью и спичками.

На этом тихоходном поезде и отправился Глеб Сергеевич в свои новые владения, сулящие ему приличное состояние.

И не потому, что решил сэкономить на стоимости поездки – с деньгами у него, благодаря государственной пенсии, проблем не было. Просто хотел не спеша погрузиться в новую для себя реальность, проникнуться по пути, так сказать, духом провинции, которой, положив руку на сердце, никогда и не знал, всю предыдущую жизнь, проведя в областном центре.

Когда-то Зеленоборск, стоявший у самой границы Заповедного Бора, был заштатным городишкой с десяти тысячным населением. Народ здесь занимался преимущественно сельским хозяйством, благо пахотных земель за границами реликтового лесного массива было предостаточно. Подпитывался дарами леса – грибами да ягодами, впрочем, скудеющими год от года, и сошедшими ныне почти на нет. Из промышленных объектов успешно функционировали только деревоперерабатывающие предприятия – лесопилки и единственная в области уцелевшая мебельная фабрика, производящая в основном незатейливые, недорогие и крепкие, а от того востребованные небогатыми селянами, табуретки.

Обо всём этом Дымокуров прочёл в путеводителе по городам и районам Южно-Уральской области, изданным ещё в советские времена, и завалившимся в его домашней библиотеке.

Из новейших источников информации Глеб Сергеевич почерпнул, что лет тридцать назад в окрестностях Зеленоборска были найдены запасы нефти. Не богатейшие, но всё-таки годные для промышленной добычи и переработки. В городок потекли деньги, увеличилось народонаселение. Появился новый микрорайон, застроенный двух и трёхэтажными коттеджами, в которых обитали работники нефтяной отрасли, и прочий кормившийся от нефтяного потока люд, прозванный местными остряками «Поле чудес». Открылись гостиницы и рестораны, торгово-развлекательные заведения.

Городок, деревянный прежде по преимуществу, приобрёл современный, ухоженный, щедро подсвеченный рекламными огнями, вид и лоск.

На территории Заповедного Бора ещё в середине прошлого века тоже было обнаружено месторождение нефти, пригодное для промышленной разработки, но статус памятника природы не позволял до поры буровым вышкам вторгаться в реликтовый зелёный массив.

Впрочем, катающийся нынче в нефтяном масле Зеленоборск был Дымокурову без надобности. Унаследованное имение находилось в самом глухом участке бора, в селе Колобродово. К этому населённому пункту, как озаботился выяснить заранее Глеб Сергеевич, вела грунтовая дорога, относящаяся к категории «межпоселковых», а это значит, в распутицу совсем не проезжая.

Ещё и поэтому не привыкший рисковать (вдруг дождь зарядит!), отставной чиновник предпочёл поезд, и вот уже три часа кряду качался, переваливаясь с боку на бок на деревянном диване старого, явно доживающего последние дни перед списанием в утиль, ревматически поскрипывавшего в железных своих сочленениях «общего» вагона.

Сперва Глеб Сергеевич пытался читать прихваченный специально в поездку толстый том детективов Агаты Кристи, но из-за вагонной болтанки строчки прыгали перед глазами, очки сползли на кончик носа, и вскоре он, отложив книгу, принялся созерцать пробегающие за мутным, давно не мытым окошком, окрестности.

Степной, ничем не ограниченный до самого горизонта пейзаж отступил, и по сторонам железнодорожного пути замелькали сосны – вначале одиночные, корявые да разлапистые, потом пошли новые, недавние относительно посадки. Деревца здесь росли культурно, рядком, и были лет пяти-семи от роду. А дальше, когда поезд, лениво постукивая колёсами, вполз в настоящий лес, за окном стало сумеречнее от обступивших железнодорожное полотно столетних сосен, которые стояли уже в одном ведомом им самим порядке, кучнее, возносились целеустремлённо к солнцу, затеняя кронами всю остальную жизнь, копошившуюся у их подножья.

Местами эти исполины вплотную прижимались к путям, тянулись игольчатыми лапами к вагонам, стремясь то ли остановить их, не пустить в свою сокровенную чащу, то ли просто погладить, пробуя на ощупь – стоит ли опасаться этого запалённого, разогретого степным зноем, надсадно хрипящего, шумного железного зверя?

Впрочем, кое-где в полумраке бора замечались проплешины. На этих рукотворных полянах громоздились штабеля брёвен, высокие, аккуратно сложенные поленицы, виднелись рубленные домики – ветхие сторожки егерей и вполне современные жилые дома-вагончики на автомобильных шасси.

Человек всё глубже, настойчивее вторгался в зелёный массив, отвоёвывая у бора сотки и гектары песчаной земли, малопригодной для возделывания, но столь желанной для ищущих временного покоя и уединения состоятельных горожан.

Притомившись уже от затянувшегося путешествия, Глеб Сергеевич отвёл взгляд от окна, и принялся созерцать попутчиков.

В полупустом вагоне их было не много. Десятка два человек, преимущественно селян по внешности и повадкам, подрёмывали под монотонный колёсный перестук слегка покачивающихся вагонов, заботливо разместив под ногами и в проходе баулы с закупленными в городе товарами.

Пробираясь сквозь бор, который становился всё гуще, глуше, поезд то и дело останавливался на пару минут на полустанках, обозначенных белёными будочками обходчиков, и тогда возле вагонов начиналась суета. Кто-то сходил, исчезая в лесной чаще бесстрашно, кто-то, наоборот, выныривал из неё, карабкаясь судорожно, боясь не успеть, на подножку. Какие-то дремучие лесовики, обитавшие здесь на дальних кордонах, в отрыве от цивилизации, продравшись сквозь буреломы, бежали вдоль состава, хрустя гравием железнодорожной насыпи, под самыми окнами – спешили к вагону-пекарне за хлебом.

Внимание Дымокурова привлёк такой новый пассажир, появившийся вроде бы ниоткуда, из места, где людских жилищ не просматривалось – мужик лет пятидесяти, звероватого вида, заросший по самые брови чёрной, с проседью, бородой, угрюмый, кряжистый. Он был обряжен в брезентовую куртку-штормовку, линялые штаны «защитного» цвета – зелёные, с бурыми камуфляжными пятнами. Обут мужик был в литые, невероятно-огромного размера, резиновые сапоги-бродни, что казалось странным на фоне летней жары и засухи.

Хотя, как вспомнил, кстати, Глеб Сергеевич сведения, вычитанные из путеводителя, Заповедный Бор известен был своими болотами.

«Настоящий лешак!», – подумал не без уважения отставной чиновник, и поймал вдруг себя на мысли, что завидует в чём-то этому подсевшему на глухом разъезде пассажиру. Его кряжистой силе, уверенности в себе, основательности, читавшихся во взгляде чёрных, пронзительных, всё подмечающих глаз. Ведь и он, Дымокуров, мог так же вот, сложись судьба его по-иному, жить в лесу, вдали от всяческого начальства, бесконечных «вводных», боязни не угодить, ошибиться, без чинопочитания, трепета и демонстрации раболепия в приниженно согбённой спине. Жить вольно, нынче как вчера, чтобы самые большие перемены были связаны с вполне предсказуемыми временами года, морозами или жарой, а «вводные» слагались то из обильных снегопадов зимой, то засухи летом, или удавшегося богато урожая кедровой шишки, к примеру...

Мужик пёр огромную, судя по всему, довольно тяжёлую сумку – клетчатую, на молнии, похожую на те, что тянут с собой «челноки», возвращаясь из дальних стран в родные пенаты. Мужик поставил баул, явственно гроыхнувший чем-то металлическим, в проходе, а сам сел на деревянный диван, и вроде бы подрёмывал, опустив голову и прикрыв глаза, а на самом деле пристально, оценивающе, разглядывал попутчиков из-под кустистых бровей.

Бросил он взгляд и на Дымокурова, как показалось тому, задержав на отставном чиновнике взор несколько дольше, чем на всех прочих. Глеб Сергеевич тут же отвернулся, и принялся вновь обозревать уже довольно поднадоевший ему лесной пейзаж.

После очередной остановки в вагоне появился контролёр – молоденький парнишка в форме железнодорожника, в сопровождении двух дюжих полицейских, сержанта и капитана.

Контролёр проверял билеты. Пассажиры, подсевшие уже на территории бора, где на глухих полустанках железнодорожных касс, понятно, не было, расплачивались за проезд. Полицейские молча присутствовали при сём, внимательно, профессионально разглядывая каждого.

Глеб Сергеевич, когда очередь дошла до него, протянул слегка помятый, похожий на товарный чек в магазине билетик, который хранил вместе с паспортом в нагрудном кармашке. Контролёр мельком глянул, надорвал краешек, и вернул билет. Полицейские тоже не удостоили Дымокурова особым вниманием.

Зато колоритного лесовика стражи порядка взяли в оборот сразу.

Даже не спросив билета, полицейские указали на вместительный баул бородатого:

– А ну, открой!

Мужик, равнодушно пожав плечами, расстегнул «молнию».

– Оппаньки! – воскликнул сержант, запустив руку в нутро сумки. Торжествуя, вытащил какую-то блестящую железку непонятного предназначения, и передал её капитану. – Что это, гражданин?!

Мужик, усмехнувшись в бороду, отвернулся к окну.

– А я скажу, что это! – пояснил не столько мужику, сколько окружающим полицейский капитан. – Это контакты с электроподстанции. Ты ж целое деревообрабатывающее предприятие обесточил! – сунул под нос лесовику железку полицейский. И покачал головой изумлённо, – и как тебя, дурака, не пришибло? Там же напряжение – десять тыщ вольт!

Мужик невозмутимо продолжал смотреть в окно.

– Будем оформлять, – бросая железку обратно в сумку, заключил капитан. И, обернувшись к сержанту, распорядился, – организуй понятых. – А потом потребовал у мужика: – Документы!

Тот поднялся, выпрямился во весь рост, оказавшись на голову выше обоих полицейских, пошарил где-то под штормовкой, за пазухой, извлёк замусоленную, сложенную вчетверо бумажку, протянул полицейскому.

Капитан с некоторой брезгливостью развернул потёртый листок.

Дымокуров, поправив на носу очки «для дали», через плечо полицейского тоже отчётливо видел содержание документа.

Капитан прочёл вслух, вглядываясь в выцветшие, напечатанные на раздолбанной пишущей машинке вкривь и вкось строчки:

– Справка... Дана гражданину Лесному Якову Петровичу... в том, что он освобождён из мест лишения свободы... Срок наказания отбывал в ИТЛ... тысяча девятьсот пятьдесят пятый год?! Ты чего мне подсовываешь, а?! – обратился капитан взор на мужика, но того уже не было на прежнем месте.

И вообще не наблюдалось в вагоне.

Мужик самым непостижимым образом вдруг исчез, словно растворившись в слегка душноватом, спёртом вагонном пространстве.

Глеб Сергеевич, с интересом следивший за этой сценой, вместе со всеми пассажирами принялся в недоумении крутить головой.

– Эй! Э-эй! – засуетился взволнованно капитан, и обратился к напарнику. – Пилипенко! Найди его!

Сержант в изумлении огляделся:

– Да где ж он, гад этакий?!

И тут Дымокуров увидел вдруг мужика. Он никуда не исчез, а притулился через пару рядов на свободной деревянной скамье, и наблюдал за происходящим. Но его почему-то никто не видел!

Поймав на себе взгляд Глеба Сергеевича, виновник всеобщего переполоха поднёс указательный палец к губам, жестом показав недвусмысленно – молчи, мол.

Дымокуров моргнул растерянно в знак согласия, и отвернулся к окну.

В это время поезд грохотнул как-то особенно сильно, затрясся, заскрежетал яростно железными сочленениями, тормозя.

За окном мелькнула надпись крупными буквами на дощатой стене одноэтажного здания вокзальчика: «Станция Колобродово».

Глеб Сергеевич прибыл в пункт назначения.

5

Вопреки представлениям Дымокурова, Колобродово оказалось вовсе не забытым богом медвежьим углом в дебрях Заповедного Бора.

Это был вполне цивилизованный пристанционный посёлок, тысячи на три душ населения. Впрочем, изрядный процент из их числа, как позже выяснил Глеб Сергеевич, составляли так называемые «дачники» – горожане, построившие или прикупившие домики в здешних живописных местах, и наезжающие сюда только на выходные дни, либо в период отпуска.

День приезда Дымокурова выдался на пятницу, а потому на перроне оказалось относительно многолюдно. На деревянной, высланной почерневшими от времени досками платформе толпились встречающие и готовящиеся отправиться дальше, в Зеленоборск, пассажиры, продавцы немудрёной снеди для оголодавших в дороге путников – жареных пирожков с картошкой, беляшей с фаршем сомнительного происхождения, солёных грибов в стеклянных литровых банках...

Внимание Глеба Сергеевича привлекла сплочённая группа людей разного возраста, своим «городским» обличем резко контрастирующая с местными жителями.

В руках горожане держали разнокалиберные плакаты, написанные на ватмане гуашью и акварельными красками: «Нет – добычи нефти в Заповедном Бору!», «Нефтяники, руки прочь от зелёной жемчужины!», и прочее в том же духе.

Обитавшие окрест «зелёной жемчужины» селяне косились на шумную группу, и старались быстрее проشمгнуть мимо – подальше от греха и политики.

Миновав пикетчиков, Дымокуров направился к зданию станции – старинному деревянному сооружению, почтенный возраст которого угадывался по резным финтифлюшкам, украшавшим фронтон и наличники окон. Последние лет семьдесят так не строили, не тратили времени на затейливую резьбу и прочие «архитектурные излишества». Тем нелепее смотрелись примастряченные к прокопчённым ещё паровозным дымом и угольной пылью бревенчатым стенам современные рекламные щиты. Предлагающие наперебой услуги сотовой связи, автосервисов, туристических кемпингов и даже саун с опытными привлекательными массажистками...

Здесь, у окошечка билетной кассы, выходящим на перрон, вступающего в права владельца антикварной усадьбы должен был ожидать поверенный Рыбкин.

Его, прохаживающегося отрешённо от всеобщей суеты под большими круглыми, показывающими «московское» время – по местному половина четвёртого пополудни, часами, Дымокуров углядел сразу. По чужеродному в этой толпе строго официальному, несмотря на июльскую жару, костюму чёрного цвета, белоснежной рубашке и бардовому галстуку в золотую искорку, по лакированным, не припудренным сельской пылью, туфлям.

В руках нотариус нянчил объёмистый, жёлтой воловьей кожи, портфель.

Дымокурова, с которым ранее общался только по телефону, он тоже мгновенно признал. Поднял приветливо свободную от портфеля руку, помахал, улыбаясь, окликнул:

– Глеб Сергеевич! С приездом! Пройдёмте, у меня здесь машина...

Обойдя с торца станционное здание сквозь заросший кривыми карагачами скверик, по растрескавшейся асфальтовой дорожке чиновник и нотариус вышли на привокзальную площадь, где калилось на солнцепёке два десятка стоявших здесь на приколе машин. И опять автомобиль поверенного Дымокурова определил сразу – шикарный чёрный лимузин бросался в глаза в ряду отечественных преимущественно, заляпанных грязью, а кое-где и тронутых ржавчиною провинциальных собратьев.

Альберт Евсеевич надавил на кнопку брелка, и автомобиль ойкнул послушно, приветливо мигнув хозяину оранжевыми подфарниками.

– Прошу, – распахнув дверцу со стороны пассажира, пригласил радушно нотариус.

После чего, подхватив чемодан, с которым путешествовал Глеб Сергеевич, отнёс его в багажник.

Дымокуров погрузился в мягкий, слегка душноватый, пахнущий кожей и дорогим одеколоном, салон.

Нотариус занял водительское место. Лимузин, заурчав едва слышно, тронулся с места, и поплыл невесомо, как на воздушной подушке, без тряски, лишь покачиваясь слегка, по ухабистой деревенской улице.

Правильно расценив одобрителный взгляд пассажира, брошенный на «железного коня», Альберт Евсеевич пояснил сдержанно:

– Приходится, знаете ли, пребывать в постоянных разъездах. И хорошая машина – не прихоть, а средство, так сказать, передвижения. Достаточно комфортное, чтобы оставаться вменяемым, отмахав несколько сотен километров по делам клиентов...

– И оплачивается ваш труд, судя по всему, достойно, – вставил Глеб Сергеевич.

– На жизнь хватает, – хохотнул нотариус. И заметил, – кстати, если вы имеете в виду оплату моих услуг – можете, не беспокоитесь. Они уже оплачены. – И, повернувшись к пассажиру, подмигнул по-свойски. – В достойном размере!

А отставной чиновник подумал с некоторым удивлением, что покойная тётушка была, судя по всему, женщиной серьёзной, основательной, обо всём позаботилась. Даже работу нотариуса по делам наследства заранее оплатила...

Между тем автомашина плыла по прямой деревенской улочке, застроенной домиками-срубами, судя по ветхости, чёрным от времени бревенчатым стенам, возрастом сотни, не менее, лет.

Впрочем, то тут, то там серые, костяной плотности, покосившиеся плетни, огораживающие дворы от проезжей части, сменяли заборы из гофрированного металла, окрашенные в весёленькие голубые да зелёные цвета. А за ними высились двух, а то и трёхэтажные коттеджи – новостройки. То ли кто-то из местных, деревенских, умудрился разбогатеть, то ли горожане при солидных доходах и должностях прикупили участки поближе к хвойному, целебному воздуху бора...

Улочка была пустынной, только кое-где на поросшей травкой обочине копошились куры, гуси да утки. Иногда какой-нибудь гусак, потревоженный чужеродным здесь, нарушившим сельскую тишину лимузином, грозно вытянув шею, с гоготом бросался в атаку, держась, впрочем, на расстоянии и не попадая под колёса, шуршащие гравием дорожного полотна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.